

изъ нихъ страданій приведены теперь къ необходимости усвоения его въ его истинномъ значеніи.

Извращеніе христіанства и принятіе его въ извращенномъ видѣ большинствомъ людей было такъ же необходимо, какъ и то, чтобы для того, чтобы оно взшло, посеянное зерно было на время скрыто землей.

Христіанское ученіе есть ученіе истины и вмѣстѣ съ тѣмъ пророчество.

Тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ христіанское ученіе открыло людямъ истину о томъ, какъ имъ должно жить, и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказало то, чѣмъ будетъ жизнь человѣческая, если люди не будутъ такъ жить, а будутъ продолжать жить тѣми основами, которыми они жили до него, и чѣмъ она будетъ, если они примутъ христіанское ученіе и будутъ въ жизни исполнять его.

Преподаявъ въ Нагорной проповѣди то ученіе, которое должно руководить жизнью людей, Христосъ сказалъ : «И такъ всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ, и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человеку безразумному, который построилъ домъ свой на пескѣ ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ ; и онъ упалъ и было паденіе его великое (Мѡ. VII, 24—27).

И вотъ послѣ 18 вѣковъ пророчество совершилось. Не слѣдуя ученію Христа вообще и проявленію его въ общественной жизни непротивленіемъ злу, люди невольно пришли къ тому положенію неизбѣжности погнѣблени, которое обѣщано Христомъ тѣмъ, которые не послѣдуютъ его ученію.

Люди часто думаютъ, что вопросъ о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ есть вопросъ придуманный, вопросъ, который можно обойти. А между тѣмъ это — вопросъ самую жизнь поставленный передъ всѣми людьми и передъ всякимъ мыслящимъ человѣкомъ и неизбѣжно требующій своего разрѣшенія. Вопросъ этотъ для людей въ ихъ общественной жизни съ тѣхъ поръ, какъ проповѣдало христіанское ученіе, есть то же, что для путешественника вопросъ о томъ, по какой изъ двухъ дорогъ идти, когда онъ приходитъ къ развѣтвленію того пути, по которому шель. Идти надо и нельзя сказать : не буду думать и буду идти, какъ шель прежде. Прежде была одна дорога, а теперь стало двѣ и нельзя идти, какъ шель прежде, а неизбѣжно выбрать одну изъ двухъ.

Такъ точно и нельзя сказать съ тѣхъ

поръ, какъ ученіе Христа стало извѣстно людямъ: буду жить, какъ я жилъ прежде, не рѣшая вопроса о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ. Надо неизбѣжно при возникновеніи каждой борьбы рѣшить : противиться или не противиться насиліемъ тому, что я считаю зломъ, насиліемъ.

Вопросъ о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ возникъ тогда, когда появилась первая борьба между людьми, такъ какъ всякая борьба есть ничто иное, какъ противленіе насиліемъ тому, что каждый изъ борющихся считаетъ зломъ. Но люди до Христа не видали того, что противленіе насиліемъ тому, что каждый считаетъ зломъ, только потому, что онъ считаетъ зломъ то, что другой считаетъ добромъ, есть только одинъ изъ способовъ разрѣшенія борьбы, а что другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы вовсе не претивиться злу насиліемъ.

До ученія Христа людямъ представлялось, что есть только одинъ способъ разрѣшенія борьбы посредствомъ противленія злу насиліемъ, и такъ и поступали, стараясь при этомъ каждый изъ борющихся убѣдить себя и другихъ въ томъ, что то, что каждый считаетъ зломъ, и есть дѣйствительное, абсолютное зло.

И для этого съ древнѣйшихъ временъ люди стали придумывать такія опредѣленія зла, которые бы были обязательны для всѣхъ. И за такія опредѣленія зла, обязательныя для всѣхъ, выдавались то постановленія законовъ, которые, предполагалось, были получены сверхъестественнымъ путемъ, то велѣнія людей или собраний людей, которымъ приписывалось свойство непогрѣшимости. Люди употребляли насиліе противъ другихъ людей и увѣряли себя и другихъ, что насиліе это они употребляли противъ зла признаннаго всѣмъ.

Средство это употреблялось съ древнѣйшихъ временъ въ особенности тѣми людьми, которые захватили власть, и люди долгое время не видали неразумности этого средства.

Но чѣмъ дальше жили люди, чѣмъ сложнее становились ихъ отношенія, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что противиться насиліемъ тому, что каждымъ считается зломъ, — неразумно, — что борьба отъ этого не уменьшается и что никакія людскія опредѣленія не могутъ сдѣлать того, чтобы то, что считается зломъ однимъ людямъ, считалось бы таковымъ и другими.

Уже во времена появленія христіанства, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно появилось, въ Римской имперіи для большаго числа людей было ясно, что то, что Нерономъ и Калигулой считается зломъ, которому надо противиться насиліемъ, не можетъ считаться зломъ другими людьми. Уже тогда люди